

ИСТОРИЯ ЯЗЫКОВ: ВВЕДЕНИЕ

Языковая идеология и языковая
политика

В данной лекции мы с вами поговорим о языковой идеологии и языковой политике. Если вы помните, мы с вами обсуждали английский язык как международный язык, глобальный язык. Мы упомянули, что глобальным языком международного общения английский язык стал без какого-либо вмешательства государств: ни американского, ни британского. То есть английский язык стал выполнять эту функцию как бы стихийно, потому что английский язык ассоциировался с политической мощью, с военной мощью, с экономической мощью, а также он ассоциировался с более высокой культурой, разнообразной культурой и, конечно же, ассоциируется с будущим. Это язык инноваций, это язык технологии, это язык науки, я также подчеркнула, что в тот момент, когда английский стал доминировать, например в Соединенных Штатах, он не был ни официальным, ни национальным языком. Во многих других контекстах государство более активно вмешивается в перекройку языковой ситуации. В данной лекции мы об этом с вами поговорим.

Давайте мы с вами начнем с определения. Что такое языковая идеология? Что такое языковая политика? Потом уже посмотрим какие-то конкретные примеры. Языковая идеология – это наши отношения, это наши взгляды, это наше понимание языков и их роли в обществе. Языковая политика – это как бы стратегический план какой-то группы людей, чаще всего государства, как они видят языковые отношения в данном обществе. То есть как они не хотят видеть соотношения языковых сил и распределение языков в данном языковом коллективе. Говоря о языковых идеологиях, традиционно выделяется 4 типа языковых идеологий: это идеология ассимиляции, плюрализма, вернакулизации и интернационализации.

Что такое идеология ассимиляции? Государство, где доминирует идеология языковой ассимиляции, только один язык ассоциируется с национальной идентичностью. Все языки либо запрещаются, либо игнорируются. Считается, что все граждане страны должны говорить на этом языке, и чуть позже я вам подробнее расскажу о французском языке и французской языковой политике на протяжении многих веков, когда французский язык, в частности только Парижский диалект, был провозглашен стандартом, был провозглашен единственным возможным национальным языком и очень агрессивно продвигался в этом качестве как в самой континентальной Франции, так и в колониях.

Вторым типом языковой идеологии является идеология языкового плюрализма. Она противоположна идеологии языковой ассимиляции. Здесь все языки считаются равноправными, язык не включается в понятие национальной идентичности. Идентичность, обычно имеется в виду гражданская идентичность. Люди идентифицируют себя государству по какому-либо другому признаку. Например, если вы вспомните пример Древней Греции, то для того чтобы считаться эллином, не обязательно надо было знать греческий язык, вы должны были знать богов, вы должны были знать мифологию, этого было достаточно, чтобы считаться эллином и говорить на каком-то одном из диалектов. Вам не нужно было знать какой-то один стандартный диалект и владеть, и писать на этом диалекте. Это во многих мусульманских странах для того чтобы считаться гражданином страны, вам нужно быть мусульманином, но вам не обязательно владеть этим языком, то есть это главный идентификационный фактор. Есть ассимиляция, когда только один язык признается. Считается, что все люди должны говорить на одном языке, и остальные языки либо истребляются, либо полностью игнорируются, и в противовес у нас есть идеология плюрализма, где идентичность не связана с каким-то одним языком, все языки уважаются, и языковое многообразие государство активно поддерживает.

Ещё есть и идеология вернакулизации. Эта идеология основана на идее восстановления функций местного языка и провозглашения его государственным и официальным языком, или языком региональным, или языком образования. Обычно необходимость в такой идеологии возникает в постколониальных контекстах, когда государство получает независимость, оно долго находилось в зависимости какой-то этнической группы, иной язык использовался на территории в качестве официального, получив независимость, первым делом, что делает государство, оно объявляет свой титульный язык или свой местный язык языком официальным и национальным. Опять-таки говорят во многих колониальных контекстах, когда государство становится независимым. Например, это произошло в Индии. Конечно, английский остался, но хинди был провозглашен языком независимой Индии. Это произошло и в Казахстане. Русский язык остался функционировать, но только казахский язык был объявлен языком государственным.

И, наконец, у нас также есть идеология интернационализации. Это идеология предполагает принятие какого-то неместного языка с более широким объемом функций для официального или языка образования, торговли или каких-либо других функций. Часто возникает в постколониальных контекстах, например в Сингапуре английский является официальным языком, в Индии также является официальным языком, во многих африканских странах. Бывает это чаще всего по двум причинам. С одной стороны, интернациональный язык выбирается в качестве официального, потому что он связан с определенным престижем. На нём есть литература, у него более высокий статус. Это уже какой-то международный язык, и владение данным языком позволяет жителям данной страны общаться, иметь доступ к более широкому кругу ресурсов. С другой стороны, необходимость такой идеологии возникает в ситуациях, когда у вас есть очень сильное языковое многообразие. Помните, мы говорили, что в Нигерии более 500 языков. Также региональные различия, диалекты, разумеется. В таких контекстах очень сложно выбрать какой-то один язык в качестве официального языка, в качестве национального языка. Более того, если в государстве есть две или три какие-то этнические группы и каждая из них борется за власть, то объявление одного языка одной из этих групп чревато этническими конфликтами. Это мы видели много раз. В таких ситуациях единственным выходом остается выбор на роль официального и более нейтрального языка, допустим английского. И вот сегодня в Нигерии одним из официальных языков является английский язык. На английском языке до сих пор ведется преподавание в школе.

Также идеология интернационализации, иногда мы говорим вестернизации, проводится для того, чтобы провести какие-то социальные реформы. Самый лучший пример, пожалуй, это реформы Ататюрка в Турции, когда Ататюрк решил, что турецкое государство, когда распалась Османская империя, всё-таки она была более связана с религиозным устройством, появилась необходимость создать светское государство и сделал реформу турецкого языка. Он сменил алфавит, произошла модернизация турецкого языка. Очень много слов арабского и иранского происхождения исчезли из языка, и были созданы новые слова на основе западных языков. Вот это пример, когда проводится политика интернационализации для того, чтобы создать какие-то социальные реформы. Что я хочу подчеркнуть, что очень часто вот эта языковая идеология, наше понимание языка, наше видение языка и наше понимание того, как должны функционировать языки, должны люди говорить на языке или не должны ли говорить, на каком языке люди должны говорить, на каком языке они должны учиться, и очень часто это вопрос не языковой, это не зависит от того, что один язык лучше, один язык хуже, один выполняет функции, чаще всего это вопрос политический, это чаще всего вопрос экономический, всё-таки социально-политические вопросы. Поскольку любая идеология – это прежде всего выражение интересов какого-то определённого социального класса, какой-то социальной группы, разумеется, что эта ситуация чревата конфликтами. И таких конфликтов в истории, мы знаем, очень много. Например, в предыдущих лекциях мы с вами говорили о сербско-хорватском языке. Был один язык, а стало три языка. Потому что Югославия распалась из-за конфликта, население разделилось на три группы, поскольку были разные религии, разные государства были объединены в Югославию – все это хранит историческая память. Или конфликт, например, хинди и урду. Один и тот же язык, но язык распался и стал двумя разными языками. Опять, потому что разные религии, это борьба за власть, то есть появлялось новое государство, элита хотела, чтобы было новое государство.

Когда мы с вами говорим о языковых идеологиях, очень важно с вами разделить два понятия – это понятие страна и понятие нация. Национальность – это группа людей, которые считают себя социально-культурным объединением и отличаются от других групп. Главное – вот есть мы и есть другие. Здесь следует заметить, что национальное объединение, национальность отличается от этнической группы. О них можно говорить как о противоположных группах. Нация – это любое политическое и территориальное объединение. Мы говорим национальность и нация. Мы говорим казахстанская нация, но национальность казахи. И вот в зависимости от того, что вы ставите в основу, хотите ли вы продвигать интересы какой-то одной этнической группы, одной национальности или хотите продвигать интересы всей объединённой страны, политическое единство, мы выделяем два подхода к языковой идеологии и языковой политике. Это политики, основанные на понятиях страннизм и национализм. Любое государство, особенно

если оно многонационально, конечно, если в государстве все говорят на одном языке, на одном стандарте, таким государством управлять легче, хотя там бывают свои политические конфликты. Но большинство государств мира многоязычны, полиэтничны, и, разумеется, всегда возникают конфликты. Сами посчитайте, стран в мире чуть больше 100, языков около 7 тысяч, если даже 7 тысяч поделить на 100, получается, что в каждой стране очень много языков, и в некоторых странах, как допустим в Нигерии или Папуа-Новой Гвинее, речь идет о нескольких сотен языках. Поскольку многие государства полиэтничны и многоязычны, то обязательно встает этот вопрос – как организовать государство? У нас есть противоречивые потребности: с одной стороны, вам нужно объединить всех людей в одно политическое объединение, с другой стороны, вам нужно свое этническое лицо. Это подчеркивает, что вопрос о языке – это чаще всего вопрос неязыковой сам по себе, это всё-таки вопрос скорее политический и экономический. То как разрешает страна тот или иной конфликт, выбирает ли она в страннизм либо она выбирает национализм, это зависит от множества факторов.

Также это показывает, что когда мы изучаем идеологию, языковую политику, мы понимаем, что они нестабильны, они чреваты конфликтами. Я еще раз подчеркну, что языковая идеология – это обычно взгляды какой-то одной только группы, а поскольку в государстве или в обществе у вас есть разные социальные группы, с разными политическими и социальными-экономическими интересами, то, разумеется, конфликт всегда возникает. Поскольку возникает этот конфликт, то языковая политика со временем меняется. И если посмотрим с вами, например, на историю языковой политики в Советском Союзе, то в самом начале языковая политика была основана на политике вернакулизации, была политика коренизации. Вот представьте себе огромную империю, которая очень многоязычная, очень многоэтничная, с разным строем уровней экономического развития, как объединить этих людей, как заинтересовать людей в новых идеях коммунизма, и тогда стала продвигаться идея национальных языков местных. Считалось, что людей можно приобщить к идее коммунизма, если это делать на их собственных языках. Но проблема была в том, что многие национальные языки были бесписьменными, они не были модернизированы, они не были кодифицированы, на них не было образования. И тогда Советское правительство начинает политику коренизации, политику национализации. Пожалуй, такое было, когда создавались алфавиты, когда создавалась грамматика, создавались учебники, создавались первые педагогические училища, между прочим, первый пединститут для преподавателей-казахов появился в Ташкенте. Появились педагогические кадры, появились учебники, для которых азбуки были написаны на огромном количестве языков. Но со временем пришла реализация того, что, наверное, это вредит идее объединения страны, то есть единению страны. Когда регионы выправились, в том числе и Казахстан, появились свои национальные кадры, появилось мнение, что Казахстан должен входить, конечно, в Советский Союз как одна из республик, но на равных правах, и получить больше экономических свобод. Об этом, например, говорил Рыскулов, но речь об этом шла во многих регионах, и тогда центральное правительство поменяло свою языковую политику, и языковая политика от плюрализма и вернакулизации перешла к более монологической политике, политике ассимиляции. Конечно, об ассимиляции речь откровенно не шла, тем не менее началась политика активной русификации, и многие вещи не насаждались. Были приняты такие политические решения, которые привели к смене языка. Особенно, допустим, образовательная реформа 1963 года, которая разрешила людям коренной национальности выбирать язык обучения. Если до 1963 года большинство нацменьшинств, этнических групп обучались на своём родном языке, то с 1963 года родители могли выбирать – либо учить своих детей на родном языке, допустим, на казахском, либо отдать детей в школу с русским языком обучения. Многие родители, которые видели русский язык как язык будущего, как язык социальной мобильности, предпочли отправить детей в школу с русским языком обучения, особенно в городской среде. И это привело к быстрой смене языка, то что мы имеем с вами сегодня. Этот пример показывает, как идеология может меняться в зависимости от политической ситуации. Языковая политика – это всегда часть этнической политики, социальной политики государства, мы не должны об этом забывать. Пусть это редко, речь идет о языке, чаще всего речь идет о каких-то социальных реформах, каких-то социальных изменениях. И когда мы говорим о страннизме и национализме, то традиционно в нашем постсоветском пространстве у нас есть понятие, что один язык, одна нация, одно государство.

Мы забываем, что вся идея была когда-то создана, что наши нации, которые существуют сегодня, мы принимаем как должное. На самом деле они были сконструированы переписью населения страны. Допустим, если вы посмотрите на ранние переписи, очень многие люди в России, когда их спрашивали какова ваша национальность, говорили, например, кержак или называли себя казаками, то есть они не называли себя русскими. Затем те, кто анализировал эту перепись населения, объединяли этих людей в одну группу и называли их русскими. Или, например, казахи. Посмотрите ради любопытства на старую перепись населения, вы увидите, что многие казахи, кого мы называли казаками в начале 1930–40 гг., когда их спрашивали какова ваша этническая принадлежность, называли себя кипчаками, называли себя аргынами, и только позже все эти группы были объединены и названы казаками. Вообще, вся советская история национального конструирования очень интересна и, конечно, идет рука об руку с языковой политикой. Объединялись языки, объединялись этнические группы и, я опять-таки подчеркиваю, языковая политика, она всегда часть национальной политики и экономической политики, социальной политики, культурной политики.

Четыре типа идеологии мы с вами рассмотрели. Еще раз говорю, что многие государства не очень многоязычны, поэтому крайне важно, когда мы рассматриваем четыре основные идеологии, мы также с вами смотрим отношение государства к миноритарным языкам. Практически во всех государствах есть миноритарные языки, и когда речь идет о языковой идеологии, языковой политики по отношению к миноритарным языкам или к языковым меньшинствам, то мы выделяем три типа политики: это язык как право, язык как проблема и язык как ресурс. Язык как проблема присущ тем государствам, которые считают, например, где проходит политика ассимиляции, что все языки, кроме одного, проблемны. Они создают трудности, трудности общения, трудности обучения, трудности интеграции в общество. Поэтому многие миноритарные языки в таких государствах просто запрещаются. Примерами являются, допустим, каталанский язык в Испании. Когда генерал Франко пришел к власти, был военный переворот и хунта, каталанский язык был запрещен, он не преподавался, на нём не велось телерадиовещание, людей наказывали, если они говорили на каталанском языке. То же самое в Британской Империи, в Ирландии Британская Корона была категорически против ирландского языка и делала все возможное, чтобы истребить этот язык. Детей в школе наказывали, если они на переменах даже разговаривали между собой на ирландском языке.

Всё это один полюс. С другой стороны, миноритарные языки рассматриваются как право. Сейчас, конечно, это естественная политика для Европейского Союза. Но не следует забывать, что это было исторически, очень многие древние города были полиэтничны и многоязычны. Вот, например, греческий язык очень долгое время, даже когда он потерял статус официального языка, тем не менее в Стамбуле он сохранялся долгое время, потому что в Османской империи многоязычие хоть и не приветствовалось, оно хотя бы не запрещалось. Людям разрешалось общаться на этом языке, разрешалось вести службы на этом языке. Дома сохранялся язык и какая-то письменная традиция. Сейчас в современной Западной Европе политика язык влияет и на образование, и на языковой ландшафт. С точки зрения образования, например, все миноритарные группы имеют право на один час родного языка в школе. И в местах компактного проживания это, конечно, легче внедрить, чем там, где люди живут рассеяно, но политика существует. Кроме того, в Европе, если в каком-то населённом пункте или в каком-то регионе 10 % населения как минимум какой-то одной этнической группы, то их язык зачастую объявляется официальным языком данного региона. На этом языке появляются надписи, на этом языке вещает радио, выходит какая-то газета, и людям разрешают, если нет, например, официального образования на языке, открывать воскресные школы, другие институты, которые помогают сохранить этот язык. Возникает индустрия, идет модификация языка и так далее. Это все разные процессы, которые разрешают людям пользоваться своим языком, язык не запрещается. Наверное, наиболее благоприятная среда для миноритарных языков, когда языки рассматриваются как ресурс и активно поддерживаются. Считается, что многообразие языковое — это хорошо, оно добавляет как в культурный аспект, так и в экономический. Хорошо, что люди говорят на разных языках, это позволяет получить доступ к различной информации. У многих компаний, например, если не на уровне страны, то хотя бы на уровне компании, эта политика, язык как ресурс, активно поддерживается и продвигается,

и нанимаются люди, говорящие на разных языках. То есть вместо переводчиков вам дешевле, если у вас в компании будут работать люди, которые говорят как на официальном языке компании, так и говорят на каких-то местных или на своих языках. Допустим, во многих крупных аэропортах вы обязательно найдете людей, которые говорят на множестве языков. Очень часто, если вы видели, возникает ситуация, когда человек не может объясниться при регистрации с представителем аэропорта или авиалинии, тогда могут вызвать кого-либо в аэропорту, который владеет языком пассажира. Это язык как ресурс.

Что я хочу подчеркнуть, что эти идеологические установки очень редко имеют прямое отношение к лингвистическим особенностям языка и даже количеству носителей. Очень часто, например, в странах, особенно в постколониальном контексте, официальным языком является язык, на котором люди не обязательно говорят. Например, в Ирландии, вы помните, мы с вами на предыдущих лекциях говорили, что сегодня в Ирландии на ирландском языке говорит всего лишь 2–3 % населения. Но ирландский язык является официальным и национальным языком Ирландии, то есть между уровнем владения языком, между развитостью языка как коммуникативной системы и языковой политики нет прямого соотношения. Это вопросы более символические, это вопросы идентичности, это вопрос самоопределения, зачастую они практически не имеют никакого отношения к реальной ситуации. Именно поэтому, например, статус языка может очень легко поменяться. Опять вернусь к примеру Испании и каталанского языка, то есть вчера при генерале Франко каталанский язык был запрещён, считалось, что он не способен выполнять эту функцию, он не должен выполнять эту функцию, как только хунта пала, каталанский язык снова приобрёл статус официального языка, стал языком образования и языком всеобщего публичного общения.

Я говорю, что языковая политика — это политика, выражающая интересы какой-то определенной социальной группы, она мало что имеет общего или мало зависит от лингвистических качеств самого языка, о котором идет речь. Не обязательно иметь носителя этого языка для того, чтобы объявить его официальным или национальным.

И в конце я бы хотела остановиться на примере французского языка, о том, как политика может со временем меняться, что политика не монолитна, политика меняется со временем по мере того, как меняются интересы государства, как меняется окружающий мир и социолингвистическая ситуация. Очень долгое время во Франции была политика языковой ассимиляции. Наверное, Франция является именно тем классическим примером языковой ассимиляции. Во Франции всего лишь один национальный язык, другие языки либо игнорируются, либо запрещаются, до недавнего времени они запрещались. Вопрос о статусе французского языка как единственного законного языка страны не оспаривается, считается, что все жители страны, что все граждане обязаны владеть французским языком. Вот такая жесткая моноязыковая идеология действует не только в отношении других языков, но и в отношении других диалектов, есть только один диалект, есть только один стандарт, всё остальное не годится для употребления и должно быть искоренено.

Вообще распространению этой идеологии способствовало внедрение бесплатного образования. Как только появилось бесплатное обязательное образование, французский язык стал языком школы. Успеха эта политика достигла, конечно же, благодаря школе. Более того, такая политика продвигалась не только в самой стране, континентальной Франции, но и в колониях: в Алжире, Тунисе, Индокитае, современный Вьетнам, в лицеях, где учились дети, которые хотели продолжить образование во Франции, получить высшее образование, обучение велось только на французском языке. Мы с вами видим, что начиная с XVI века до середины XX века, где-то в 1950 годы, языковая политика во Франции отличается крайним неприятием других языков. Фактически была политика подавления других языков и политика ассимиляции. Хотелось бы опять вспомнить, у нас была предыдущая лекция, когда мы рассказывали об истории французского языка, о том, как язык галлов постепенно исчез, заменился народной латиницей, и латинский язык очень долго функционировал в качестве официального языка, языка администрации. До XVI века в Римской Галлии существовало очень много языков и диалектов. И мы об этом говорили, что была феодальная раздробленность, много княжеств, много разных административных единиц, в каждом регионе люди говорили на своём диалекте. Но когда появилась необходимость объединения страны, встал вопрос, когда усилилась

централизованная политическая власть в Париже, появилась необходимость в едином языке. Помните, что для церковных служб тогда использовался латинский язык. Именно тогда, когда появилось первое централизованное государство и централизация власти произошла в Париже, появились первые указы. Это указы 1539 года, там было 110–111 указов Франциско Первого. Он говорил, что нам необходимо создать документы, которые не требуют перевода, они приписали употребление французского языка в судопроизводстве и административном производстве. С самого начала мишенью данных указав, конечно же, был латинский язык. Долгое время латинский был единственным письменным языком, разрешенным для официального использования. Когда появились национальные языки, национальная элита стала требовать, чтобы было все на местных языках, на местных диалектах, то вот этот указ 1539 года, это XVI век, был указом против латинского языка. Но что случилось, под него попали другие языки, даже в регионах, где Парижский диалект не являлся основным диалектом, люди даже не понимали его, французский язык стал языком делопроизводства и судопроизводства.

Но, конечно, споры языковые продолжались, люди хотели писать на своих диалектах, и стоял вопрос, что же ляжет в основу стандартного французского языка. Волевым решением было принято кардиналом Ришелье в 1634 году. Тогда была утверждена первая французская Академия. Это было примером Академии. Затем такие академии появились практически во всех европейских странах. Основной задаче этой Академии было пурификация, то есть очищение французского языка от вульгаризмов, особенно от вульгарного латинского языка и от заимствований. Также ставилась цель кодифицировать язык, то есть нормировать грамматику и лексику, написать словари, развить терминологию, выработать стилистические и риторические нормы.

Первый словарь стандартного французского языка был опубликован в 1694 году. Это способствовало подтверждению статуса французского языка, у которого есть словарь, а все остальные как бы остались за бортом. Конечно же, политика централизованного государства была направлена на уменьшение политической власти регионов. Только после революции такая политика стала связываться с понятием нации. Понятие французской нации появилось только после французской революции, и даже на момент революции большинство населения страны еще не понимало французский язык и мало им пользовалось, потому что все говорили на региональных языках или региональных диалектах, которые значительно отличались от Парижского диалекта. Только после революции 1789 года ориентиры сменились. Революция отрицала какую-либо раздробленность, существование региональных сообществ языков. Считалось, что свобода, равенство и братство – это универсальные понятия, они должны распространяться на универсальном языке, а таким языком был выбран стандартный французский язык, в основе которого лежит Парижский диалект. И все, кто не использовал этот новый стандарт, считались врагами революции. Сама революция была под угрозой, было много врагов. Языковая политика во Франции стала частью движения по установлению нового политического порядка. Боролись агрессивно со всеми. В Эльзасе люди по-другому говорили, на границе с Италией местные диалекты боролись с британским диалектом, шла активная борьба против регионов и против использования региональных языков. Можно сказать, что языковая политика Французской революции – это политика языкового террора, лингвистического террора, особенно в Эльзасе. Любой, кто не говорил на языке революции, подвергался наказанию.

Образовательная реформа XIX века по-настоящему способствовала уничтожению региональных языков. В 1881 году начальное образование во Франции впервые стало обязательным, бесплатным и светским. И это был огромный удар по региональным языкам. Обязательным языком этого начального образования стал стандартный французский язык.

Однако сегодня ситуация складывается так, что Франция не может существовать уединенно, она не может существовать изолированно и, конечно, какие-то внешние факторы влияют на то, что языковая политика постепенно меняется, поскольку Франция является членом содружества европейских государств, происходят активные процессы миграции. Вообще мир меняется, технологии развиваются, и, конечно, очень трудно в таких условиях сохранять чистоту языка, поддерживать идеологии языковой ассимиляции. Во Франции

есть соответствующий комитет, он создан в 1970 году, его целью является борьба за чистоту французского языка, против заимствований, в частности американизмов. Очень трудно такую политику поддерживать. Таким образом, пример Франции показывает, что любая языковая политика, конечно, осуществляется в рамках каких-то социальных реформ, если вы хотите поменять социальное устройство и используете символическую роль языка для этих целей. Это очень сложно, поскольку любая страна не существует изолированно от других стран, так как существуют какие-то внешние факторы – политика всегда меняется, то есть никогда не остается одной и той же на протяжении долгого времени. Таким образом, языковая политика, я еще раз подчеркиваю, – это часть национальной политики, часть экономической политики, часть социальной политики. Не следует забывать, что мы проводим языковую политику не только потому, что один язык лучше другого, чаще всего за решениями языковой политики стоят чьи-то политические интересы.